

Гражданин мира Питер Брук

Кинистурр. — 1996. — 13 апр. — С. 1

Ирина АЛПАТОВА

“Меня не интересуют театр, театральные школы и стили, тексты пьес, великие актеры и режиссеры, и меньше всего — теоретики”, — такой вызывающей фразой огорошил представителей столичной прессы Питер Брук, живая легенда мирового театра, на пресс-конференции, предваряющей показ его спектакля “О, счастливые дни!” по пьесе С.Беккета. И пояснил: для него интересно только одно — понять, что такое жизнь. А потому и настоящий “театр” обязан выйти за пределы, ограниченные этим определением, войти в некую “зону”, где царит общность чувств, воспоминаний, ассоциаций, независимых от времени, национальности и культурного багажа отдельного человека.

Впрочем, на встрече с журна-

листами мэтр предпочел и сам задавать вопросы, дотошно пытаясь выяснить, насколько российская публика готова к восприятию творчества Беккета. Комплиментарные реплики о том, что народ пойдет не на Беккета, а на Брука, его несколько не удовлетворили. “Если вы рассчитываете увидеть демонстрацию режиссерской техники и актерского мастерства, то лучше не приходите, — парировал Брук, — иначе получится, что вы пришли выпить водки, а вас угостили красным вином”.

Театр Беккета, считает Брук, — явление уникальное, которое можно сопоставить с театром античным, шекспировским или чеховским. Это совершенно особый, законченный мир, созданный воображением драматурга, равно талантливого как в области слова, так и в избрении сценических приемов.

Нацеленный на Беккета мэтр,

виртуозно и иронично уклонялся от всех прочих тем, связанных с его оценкой российской театральной ситуации и мастерства отечественных режиссеров. Впрочем, признался, что его по приезду в Москву умудрились даже спросить о том, за кого бы он голосовал на предстоящих президентских выборах. “Вокруг вас великое множество невежественных людей, которые дают советы. Так зачем же вам нужен еще один, более невежественный совет?” — с юмором воскликнул режиссер.

Естественно, что, вспомнив о его русских корнях, у Брука пытались выведать, не чувствует ли он здесь “голоса крови”. На что мэтр признался в равной любви ко всем частям света, а также напомнил, что все мы принадлежим к единой человеческой семье, где границы теряют смысл. А его театр — тому пример.